

Нет автора

Русское слово

1860. 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русское слово: 1860. 6 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 486 с.

ISBN 978-5-458-02976-6

ISBN 978-5-458-02976-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДВѢ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

О САНСКРИТСКОМЪ ЭПОСѢ.

Лекція I.

Мм. Гг.

Успѣхамъ новаго времени мы обязаны открытіемъ обширной и разнообразной литературы, принадлежащей отдаленнѣйшимъ временамъ и развивавшейся впродолженіе тысячелѣтій. Первое знакомство съ нею европейцевъ восходитъ не далѣе послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія, когда англичане, основавъ средоточіе политической власти своей въ Калькуттѣ, въ тоже время обратили вниманіе и на памятники древней цивилизаціи страны, покоренной ими. Еще въ 1822 году не было ни одной санскритской книги, изданной въ Европѣ, нынѣ же — каедры этого языка учреждены уже во всехъ европейскихъ университетахъ; европейская наука имѣетъ, на языкахъ англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и латинскомъ болѣе 20-ти руководствъ къ его изученію; двѣ библіотеки въ Лондонѣ, двѣ въ Парижѣ, одна въ Оксфордѣ, не говоря уже о библіотекахъ копенгагенской и берлинской, наполнены драгоценными санскритскими рукописями; множество текстовъ этого языка издано и не перестаетъ издаваться въ Калькуттѣ, Лондонѣ, Парижѣ и т. д. Все это привнесло тотъ результатъ, что мы поставлены нынѣ въ возможность не только въ совершенствѣ понимать этотъ

Отд. I.

языкъ, но изучить, даже по печатнымъ книгамъ, если далеко еще не всё, то по крайней мѣрѣ главные, классическіе памятники его письменности.

Памятниковъ этихъ такъ много и содержаніе ихъ такъ многообразно и любопытно, что я, признаюсь, долго колебался, какую отрасль санскритской письменности выбрать для моихъ лекцій, удостоиваемыхъ, м.м. г.г. присутствіемъ вашимъ. Всѣ отрасли литературнаго творчества, начиная съ эпоса до простой сказки и отъ исторической драмы, въ родѣ шекспировской и шиллеровской, до фарсовъ, въ родѣ молиеровыхъ, имѣютъ въ этой литературѣ своихъ представителей, не скажу, затмѣвающихъ европейскія произведенія, но, по художественному совершенству своему, нисколько не уступающихъ имъ, по новости же и оригинальности содержанія невольно еще болѣе привлекающихъ вниманіе наше. Я выбралъ эпосъ потому, что и въ санскритской, также какъ и въ греческой литературѣ, всѣ послѣдующія произведенія развивались подъ его вліяніемъ и, въ силу этого, не могутъ быть изложены съ надлежащею ясностью безъ предварительнаго съ нимъ ознакомленія.

Санскритскій эпосъ значеніемъ своимъ какъ въ исторіи, такъ и въ литературѣ, видимо, соответствуетъ только гомерическому эпосу. Какъ гомерическій эпосъ, такъ Рамайана и Магабхарта изображаютъ торжественную эпоху въ жизни известной доли человечества, когда всѣ духовныя и вещественныя силы его приведены были въ игру, когда все оно выразилось осязаемо и ярко въ самыхъ неуклонныхъ отъѣнкахъ побужденій и дѣятельности, уловляемыхъ его въ своею природою. Дѣйствительно, оба эпоса, греческій и древне-индійскій, воскрешаютъ передъ нами отдаленнѣйшую человеческую жизнь, во всемъ безконечными изгибами ея движеній и помысловъ, во всемъ неизчерпаемымъ богатствомъ нравственныхъ побужденій, ихъ вызывавшихъ и руководившихъ ими, и въ тоже время завершаютъ все ея духовное достояніе на рубежѣ новой жизни; оба они передаютъ въ художественномъ представленіи въкамъ полюбившимъ этотъ протекшій невозвратный бытъ рода человеческого, бытъ, который все-таки, вѣчно оставаясь, не смотря на свою отдаленность, родственнымъ и понятнымъ всякому человеку, личною полнотою своего чисто человеческого нравственнаго эле-

мента обшовасть духъ его во всѣ времена и на воѣхъ его ступеняхъ; и, пробуждая въ немъ чувство того же блага и любви, чертя ему идеальныя мыслы высокой простоты неискаженныя дѣйствительности его души, какъ бы не допунають его перестать быть человекомъ. Оттого и названо изученіе литературы, въ главѣ которой стоятъ Гомеровы иэнонѣя, *studia humaniora*, *quae pertinent ad humanitatem* и т. д.

Я сказалъ, что эпосу санскритскому соотвѣтствуютъ, въ числѣ европейскихъ поэтическихъ произведеній, только доиндѣйскій эпосъ. Со всеми другими эпическими поэмами онъ не имѣеть ничего общаго, какъ и онъ соотвѣсно съ Гомеромъ ничего общаго не имѣють. Для того чтобы имѣть нѣкоторую возможность сообщить моей мысли надлежащую ясность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлить вѣрно характеристику древне-индѣйскаго эпоса, вы мнѣ позволите, м.м. г.г., коснуться предварительно еще разъ Гомера и сблнзнить съ нимъ вкратцѣ тѣ поэтическія произведенія, которыхъ творцы жслали частью съ нимъ соперничать, частью подражать ему. Вмѣстѣ съ этимъ, я укажу и на такія произведенія европейскихъ литературъ, которыя дѣйствительно имѣють съ Гомеромъ, а слѣдовательно и съ древне-индѣйскимъ эпосомъ, нѣкоторыя общія стороны.

Начало исторической дѣятельности европейскаго человечества ознаменовано моментомъ, когда оно, въ избыткѣ силъ перваго раздвѣга цивилизаціи, дружно соединилось во ния идеи и, подчинивъ ей все отдѣльныя интересы, представило жервнымъ образомъ высокаго торжества; торжества мысли и чести надъ произволомъ и матеріальною силой. Моментъ этотъ мы видимъ въ героическомъ періодѣ исторіи Греціи. Онъ увлнвовченъ иэнонѣями: Гомера, единственнымъ европейскимъ эпосомъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Подобный моментъ не повторился въ исторіи, и потому, не было уже другаго Гомера.

Троянскія племена переселились въ Европу, оружіемъ и нравственнымъ превосходствомъ они покорили туземцевъ и подвинули ихъ также къ новой идее — къ осуществленію всемірной власти, дѣйствительно обхватившей все человечество, извѣстное тогдашней Европѣ. Отъ чего бы, казалось, въ феноменѣ воскресшей Трои не видѣть событія, стоящаго движенія греческихъ народовъ, ее разрушившихъ, и не избрать его предме-

темъ для римскаго эпоса? Такъ думалъ Виргилій и гениальнымъ усилямъ великаго поэта мы обязаны красотами классической Энеиды. Но эта прекрасная поэма состоитъ не то, что римскій поэтъ желалъ и силится даровать своему отечеству. Спасаясь отъ поражения, горстка бѣглецовъ — какъ ни возносятся поэтъ высокимъ таинственнымъ избранничествомъ и назначеніемъ со стороны судьбы — не была способна къ дѣланію, какія свойственны только народамъ не разочарованнымъ въ прошедшемъ, народамъ исполненнымъ силы и братства, поражающимъ, а не пораженнымъ. Къ тому же, самое осуществленіе идеала всемірной власти принадлежитъ, если дѣйствительно принадлежало оно, не троянамъ, а ихъ потомкамъ. Поэту оставалось сосредоточиваться около своего героя и изображать характеры отдѣльныхъ людей, а не человечества, которое одно можетъ быть предметомъ истинной эпической поэмы. Виргилій сознавалъ это и безсильемъ осуществить предпринятое объявится, между прочимъ, какъ многолѣтіе его труда, такъ и искреннее желаніе сложить его передъ смертью.

Весь разладъ разнородныхъ стремленій человечества, возникшаго изъ развалинъ римской имперіи, выразился въ поэмахъ Данта. Она представляетъ какъ бы отрицательный эпосъ, въ которомъ личное могущество мысли поэта, строго держась дѣйствительности и истины и вызванное ими, возносится, какъ нѣкій духъ-эпидеміе, изъ этого хаоса, указывая ему на новый путь жизни и правды. Вотъ единственный по-гомерическій эпосъ, поэма, которую нельзя назвать иначе, но увѣковѣчиваетъ онъ не гармоническую многообразную дѣятельность творящихъ народовъ, а ведетъ ихъ къ подобному гармоническому творчеству путемъ субъективной мысли поэта, и потому, при всеобщемъ безукоризненномъ совершенствѣ созданія Данта, какъ поэмы, должно признать, что идею надлежащаго эпоса выражаетъ оно только въ половину.

Крестовые походы, на первый взглядъ, представляютъ событіе вполне аналогическое съ походомъ греческихъ племенъ подъ Трою. Народы Европы соединились для достиженія общей цѣли и достигли ея хотя на время. Пламенная душа Тасса ухватилась за такое событіе и за такую эпоху: она видѣла въ томъ и другомъ все условія для эпоса, который, всемірнымъ значе-

ніемъ своимъ, казалось, долженъ былъ стать даже выше эпоса Гомера, Тассъ принялся за дѣло и что же? Онъ нашелъ себя поставленнымъ рѣшительно въ одинаковое положеніе съ своимъ древнимъ предшественникомъ. Пѣвецъ «Освобожденнаго Іерусалима» составилъ сводъ прекрасныхъ романтическихъ образовъ, мастерски придавъ имъ видъ стройнаго поэтическаго цѣлаго и, въ этомъ отношеніи, превзошелъ самого Вергилія, но также, какъ Вергилій, онъ долженъ былъ прибѣгать къ сверхъестественнымъ явленіямъ, не для того чтобы могучихъ и свободныхъ дѣятелей-людей выставить еще свободнѣе и могущественнѣе, низводя до нихъ высшія силы, какъ въ греческомъ и древнѣ-индійскомъ эпосѣ, — а для того, чтобы мертвенному и небывалому въ дѣйствительности сообщитъ жизнь и движеніе въ поэзіи. Задача была трудная и неосуществимая. Отъ того-то общественныя движенія Гофреда, какъ и Енея, — у Тасса чужды всякой самостоятельности и машинальны въ полномъ значеніи этого слова. Также какъ Вергилій, итальянскій эпикъ обрѣталъ утѣшенье въ одномъ — въ художественномъ изображеніи отдѣльныхъ явленій и отдѣльныхъ характеровъ и успѣлъ только въ этомъ, ибо тутъ творчество поэта не было въ разладѣ съ истиной, всегда лежащей въ основаніи живаго идеала, гдѣ бы онъ ни былъ почерпнутъ. Самостоятельнаго эпическаго движенія, при всемъ изяществѣ эпическихъ формъ, въ поэмѣ Тасса быть не могло уже потому, что рыцарями креста руководила отвлеченная идея, нисколько не сливавшая всѣхъ этихъ національностей въ одну массу, что въ движеніяхъ ихъ даже не участвовала собственно никакая національность, эта основная стихія такого эпоса, какой Тассъ желалъ подарить человечеству. Къ тому же, въ сонмѣ племенъ, обречшихъ національность религіозной идеѣ, не доставало участія со стороны націи, изъ нѣдръ которой вышла по преимуществу идея христіанства, такъ какъ Греція скорѣе враждовала усиліямъ крестоносныхъ латынцевъ, нежели имъ способствовала. Предметъ, избранный Тассомъ, небылъ эпическимъ, и потому, онъ не произвелъ эпоса. Известно, что и Тассъ, также какъ Вергилій, крайне былъ недоволенъ своимъ произведеніемъ и силался передѣлать его, палъ въ борьбѣ съ невозможностью.

Сказанное о Вергиліи и Тассѣ можетъ быть отнесено въ та-

новой же шире въ Камосену, не говоря уже о Пенриадъ, авторъ которой воображалъ, что значеніе эпическаго предмета можетъ имѣть даже изолированное событіе отдѣльнаго народа.

Ближе подходятъ къ гомерическому эпосу испанскія сказанія о Сидѣ, Нибелунги, скандинавскія саги и также ново-греческія, сербскія и малороссійскія народныя пѣсни. Общее съ гомерическимъ эпосомъ въ нихъ то, что въ нихъ остался живымъ и не умираетъ торжественный моментъ изъ жизни того или другаго племени, когда оно, при столкновеніи съ элементомъ, ему чуждымъ, выказало всего себя, когда оно, въ борьбѣ на жизнь или на смерть съ этимъ элементомъ, потрясшимъ его до основанія и вызвавшимъ наружу все его внутреннія силы излило, можно сказать, всю свою душу въ своихъ пѣсняхъ, въ этомъ воплѣ послѣдней побѣды или пораженія.

Если бы была возможность объединить въ одно цѣлое все эти отдѣльные моменты торжественной дѣятельности человѣческихъ племенъ, если бы была возможность, вопреки исторіи найти между ними одну другому современныя живыя органическія соотношенія, если бы была возможность подобное поэтическое цѣлое представить, сохраняя всю индивидуальность его характеровъ, все сокровѣннѣйшіе интересы дѣятелей этихъ сказаній, въ совершенно объективномъ изложеніи, такъ, чтобы творческая сила, вызвавшая подобное созданье, животворила этотъ многосложный міръ и, въ тоже время, могла бы несколько не смѣшиваться съ своимъ твореньемъ, а оставаться какъ бы въ сторонѣ, т. е., ни дѣлая ни малѣйшаго субъективнаго перевѣса ни одному изъ явленій, вошедшихъ въ организацію этого міра, не пристращаясь ни къ одному изъ нихъ, хотя и давая все имъ самое полное развитіе, тогда только мы бы имѣли произведеніе вполне аналогическое съ эпосомъ, составляющимъ предметъ моей настоящей бесѣды.

Говоря объ эпосѣ, въ которомъ высшая національность является двигателемъ идей всечеловѣческихъ и въ тоже время знаменуетъ эпоху ни въ жизни одной какой либо націи, но значительной доли рода человѣческаго, посвящу нѣсколько словъ самому племени, котораго духовной дѣятельности обязаны мы подобнымъ эпосомъ.

Обширное пространство юго-западной Азіи, отъ береговъ

Каспійскаго и Персидскаго морей до западнаго склона Гималайскихъ горъ и по всему протяженію сѣверо-западной части Индійскаго океана, по древнѣйшему, по преимуществу, населено было племенами, именовавшими себя словомъ *арья*: *Ари*, *Арима*, *Айрина-верже* въ Зенд-авестѣ и т. д., что въ нарицательномъ смыслѣ, на санскритскомъ и зендскомъ языкахъ, значитъ достоинственный, воспитанный и т. д. Племена эти, родственныя пеласгическимъ, славянскимъ и германскимъ, обозначились въ древнѣйшей исторіи человечества раннимъ стремленіемъ своимъ не столько къ завоеваніямъ и порабощеніямъ другихъ племенъ, сколько къ осѣдлости и сосредоточенному гражданскому быту, представляя въ этомъ отношеніи довольно рѣзкій контрактъ съ ближайшими сосѣдями своими, монгольскими племенами съ сѣвера и семитами съ запада. Исторія не опредѣлила еще съ надлежашею ясностью, что побудило значительную часть этого племени проникнуть, въ глубочайшей древности, черезъ непроходимыя почти ущелія Гиндукуша или черезъ западный Гималай, въ Индію: но, проникнувъ сюда, оно не только распространилось по всему протяженію необъятнаго полуострова, но простерло племенное вліяніе свое на островъ Цейлонъ, на близъ лежащія съ этой стороны обширныя острова Суматру, Яву и т. д., а также на сѣверъ и сѣверо-западъ другаго Индійскаго полуострова, по Бенгальскому заливу до предѣловъ Малакки и вверхъ по окраинамъ Сіамскаго залива до самыхъ предѣловъ Тункинскаго населенія. То, что арійскія племена вошли въ Индію сухимъ путемъ и съ сѣверной ея стороны, доказывается древнѣйшими ихъ преданіями, сосредоточенными около Пенджаба, около сѣверо-западной стороны полуострова, откуда впоследствии уже населеніе ихъ, подвигаясь далѣе и далѣе, приняло наконецъ столь обширныя размѣры. Этой-то долѣ арійскаго человечества принадлежитъ языкъ, который, независимо отъ дивнаго совершенства своей организаціи и литературнаго своего богатства, состоитъ въ тѣснѣйшемъ родствѣ почти со всеми коренными языками Европы и возводя ихъ къ перво-бытовому единству, объясняетъ съ неисчерпаемою полнотою самыя сокровенныя тайны ихъ корней и грамматическаго построенія. Языкъ этотъ названъ потомками арійцевъ, говорившихъ

на языкъ, языкомъ санскритскимъ (санскрита), т. е. следомъ индусскимъ, санскритскимъ.

Тѣсныя соотношенія санскритскаго языка съ языками классическими, литовскими, славянскими, германскими и кельтскими, съ каждымъ изъ нихъ порознь, гораздо въ высшей степени, нежели отдѣльныя соотношенія ихъ между собою, убѣдительно доказываютъ, по справедливому замѣчанію Макса Мюллера, что слои арийскаго человечества, перешедшаго чрезъ Гималай, отдѣлился отъ общаго своего корня не прежде, какъ переживъ сперва вмѣстѣ и одною жизнію съ каждымъ изъ упомянутыхъ племенъ Европы, несомнѣнно составлявшихъ когда то одно особое семейное цѣлое, но уходявшихъ одно за другимъ, въ разныя доисторическія эпохи, на отдаленнѣйшій западъ, и слѣдовательно, что санскритскій слой арийцевъ отдѣлился отъ корня или оставилъ первобытную родину, гораздо позднее всѣхъ другихъ слоевъ этого корня. Племя это, какъ бы оставшись наконецъ одно на родимѣйшей пещелищѣ, не прежде какъ тогда только и бросило его, подобно своимъ братьямъ, но не послѣдовало за ними, и приняло для своего пути совершенно противоположное направленіе.

Первый изъ двухъ санскритскихъ эпосовъ, Рамаіана, изображаетъ тотъ моментъ въ жизни арийскихъ народовъ, когда они сдѣлались окончательными властелинами по всему полуострову Восточной Индіи, сокрушивъ на вѣкъ политическую самостоятельность ея прежнихъ туземцевъ и поставивъ даже островъ Ланку, мытвшій Цейлонъ, въ полную отъ себя зависимость.

Съ перваго уже взгляда, вы усматриваете, м. м. г. г., что древне-индійскій эпосъ увѣковѣчиваетъ не личный интересъ одного племени, но высокій моментъ торжества міровой цивилизаціи—имѣвшей свои особыя судьбы и свою исторію—надъ варварствомъ необъятной страны, служившей театромъ этому эпосу. Вспомнимъ, что эта страна, объемомъ своимъ, равняется всей почти нашей Европѣ, проходя ее отъ Урала до Нѣмецкаго моря и отъ сѣверныхъ береговъ Скандинавіи до самыхъ южныхъ береговъ Італіи. Само собою разумѣется, что подобное торжество было совершенно не вдругъ и что неутомимые и полные вѣры въ достоинство челоуѣка и въ его будущее, арийскіе

народы доходятъ до этого торжества, безъ всякаго сомнѣнія, вѣками, но эпическій поэтъ Индіи изображаетъ не исторію въ тѣсномъ значеніи этого слова или, вѣрнѣе сказать, не послѣдовательную исторію покоренія Индіи; онъ, какъ и Гомеръ, вмѣщаетъ своимъ поэтическимъ созданіемъ рѣшительный моментъ вѣковаго подвига, раскрывая для этой цѣли, въ художественномъ объективномъ представленіи, весь внѣшній и внутренній бытъ человечества эпохи современной катастрофѣ, ясно этикъ самымъ обнаруживая и сущность предшествовавшего ему быта и причины, приведшія такое торжество и такую катастрофу. Поэтому, древне-индійское поэтическое произведеніе, воскрешая передъ нами моментъ знаменательный въ жизни народовъ и представляя его въ полномъ свѣтѣ, объемѣ и въ полномъ свѣтѣ есть въ тоже время, независимо отъ поэтическаго своего изложенія, какъ и эпосъ Греціи для героической ея эпохи, единственное и лучшее историческое произведеніе для героической эпохи древней Индіи. Одна Рамаіана могла бы быть предметомъ лекцій многихъ годовъ для всякаго глубокомысленнаго и краснорѣчиваго профессора. Я расскажу ея содержаніе или, вѣрнѣе, выберу изъ ея содержанія нѣкоторыя черты, которыя могутъ быть, при ихъ отдѣльной передачѣ, общедоступны и сколько нибудь характеристичны, и заключу нѣкоторыми свѣдѣніями, касающимися нашего эпоса и эпохи имъ изображаемой. Ограниченность времени позволяетъ мнѣ держаться въ этомъ очеркѣ только главной нити повѣствованія, не входя въ изложеніе ея многочисленныхъ эпизодовъ, хотя всѣ они и соединены органически съ самою поэмою. Да будетъ позволено мнѣ думать, что я останусь чистъ передъ великимъ созданіемъ, передавая только самый внѣшній, ближайшій его очеркъ! Рамаіана открывается великолѣпнымъ изображеніемъ двора царя Кошаловъ, Дасараты, идеала царей, по личному его могуществу, по благоденствію его подданныхъ, по неизмѣнной вѣрности ему воѣхъ другихъ царей. Политическая власть брахманизма представляется укорененною въ ту пору только въ сѣверной части Индіи и не совсѣмъ еще въ средней, южная часть покрыта непроходимыми лѣсами, въ которыхъ живутъ дикія племена съ отвратительною наружностью, обладающія непомерною физическою силою, съ грубыми нравами; сильнѣйшіе

изъ нихъ аперопоаги. Последнія одушевлены непримиримою ненавистью къ брахманистамъ, въ главѣ которыхъ стоятъ мольщики, по видимому, беззащитные, не знающіе другаго оружія, кромѣ своихъ молитвъ, но охраняемые столь мѣткими стрѣлами тѣхъ, о комъ они молятся. Не смотря на то, отдѣльныя колоніи брахмановъ проникли все-таки въ то время уже къ югу полуострова; но жертвоприношенія ихъ очень часто размываются злобными и хитрыми ракипасами (такъ они называютъ кровожадныхъ туземцевъ). *Дакшина-пада*, вышній Деканъ, представляется зависящимъ отъ туземнаго царя, живущаго столицу на островѣ Цейлонѣ. Царь Дасарата, владычествующій въ землѣ Косаловъ, въ средней Индіи, обезпечивъ брахманское вѣрованіе въ предѣлахъ самыхъ отдаленныхъ областей, смирившій всѣхъ враговъ своихъ, празднуетъ наконецъ тысячелѣтіе своего царствованія. Со всѣхъ сторонъ сѣзжаются къ нему цари подвластные. Это торжество царь намѣренъ соединить съ другимъ, не менѣе великимъ торжествомъ: ояъ, при жизни своей, намѣренъ короновать преемникомъ себѣ старшаго любимаго сына своего Раму. Совѣтники-брахманы одобряютъ мысль царя. Дѣлаются приготовленія: все, по видимому, благопріятствуетъ осуществленію высшей радости въ жизни государя и родителя. Но ревность и честолюбіе воспаляетъ одну изъ его женъ. Лстивыя рѣчи приближенныхъ къ ней женщинъ раздуваютъ сѣдующее ее пламя: она, во что бы ни стало, рѣшается сорвать вѣнецъ съ головы царевича, который не ея сынъ, и перенести его на голову своего роднаго сына. Съ трепетомъ орлицы, вообразившей, что вырываютъ у нея дѣтище, съ устами, дрожащими отъ обиды, которую чувствуетъ ея уязвленное высокомеріе, она бросаетъ на землю свои царственныя украшенія и удаляется въ самыя уединенныя комнаты дворца. Удивленный необъяснимою переменою въ своей женѣ, дотолѣ всегда покойной и счастливой, царь старается разгадать причину ея унынія. Наконецъ она говоритъ ему: «Ты, царь, виною моего несчастія и гибели: твое противозаконное рѣшеніе повергло меня въ прахъ. Ты отдалъ вѣнецъ свой Рамѣ, отданный уже тобою другому. Этотъ вѣнецъ принадлежитъ моему сыну, а не Рамѣ. Ты помнишь твое царственное слово. оно гласило, что не будетъ мнѣ отказа ни въ чемъ, что мое первое